

Недавно читал Зигмунда Фрейда про выбор из ларца. Там на примерах разъясняется выбор, скрытый и всегда одинаковый, выбор Смерти. Она молчалива, и это убивает; Она прекрасна, и этим притягивает к Себе. Она не костлявая, как мы часто называем Ее. Нет, Она – Луна, освещающая душу после напряженного Дня. Кто-то пытается отрицать Ее существование, но ведь это нелепо. Только на пути к Ней можно понять насколько значимо окружающее нас в данный момент.

Фраза «когда же это все закончится», часто повторяющаяся, но, если вдуматься, - это вопрос о времени наступления долгожданного Покоя, долгожданной и спасительной Смерти. Я знал раньше одного человека, он трепетно относился к этому вопросу. Много времени прошло с тех пор. Он сильно изменился и стал представителем какой-то фирмы за рубежом. А всего несколько лет назад он был фаталистом, искал Смерть на каждом шаге.

Мы познакомились случайно, просто получилось так, что ехали в одном вагоне. Попутчиков было немного, и скука пожирала всех. Взятая из домашней библиотеки книга Ф.М. Достоевского, конечно же, скрасила часть пути. Но из-за постоянно тряски и слабого света глаза сильно устали. Я прикрыл их на несколько минут – темнота и только звуки вокруг. Я слышал, как недалеко от меня, в конце вагона мать ругает ребенка за испачканную футболку; с другой стороны две пенсионерки причитают о сложностях их жизни, и, конечно же, монотонный стук колес. Взвизгнули тормоза – очередная станция.

Громкие и уверенные шаги, кто-то двигался в мою сторону. Я открыл глаза – парень в потертом джинсовом костюме цвета мокрого асфальта и в черной водолазке стоял напротив меня.

«Добрый вечер, Вы не возражаете, если я сяду рядом?» - спросил он меня. Его вежливость была не наигранной, и я с удовольствием согласился, мне и самому хотелось общения.

«Я не нашел ни одного собеседника, кроме Вас, с которым бы захотелось поговорить» - объяснил незнакомец свой шаг. – «Может, сразу перейдем на «Ты»?.. Меня назвали Игорем». Весело улыбнувшись, он протянул мне руку. Я протянул свою, - «Александр». Незнакомец крепко пожал ее.

Долгий путь сближает людей, уже через некоторое время мы общались как старые знакомые, не видевшие друг друга много лет и желающие рассказать и услышать многое. Странно, мы никогда бы не заинтересовались друг другом, если бы не поезд. Уж слишком мы разные, хотя возможно, в чем-то я и ошибаюсь.

Игорь был полной противоположностью меня, он особо не трудился над осмыслением своих действий, все происходило автоматически, интуитивно. Мне казалось временами, что у него в некоторой степени помешательство, Игорь мог, рассказывая, перейти чуть ли не на крик, настолько его переполняли эмоции.

Меня поразило отношение Игоря к своему будущему. Он его просто не видел, даже с насмешкой «планировал» его. Со слов Игоря, он еще в детстве пускался во все авантюры, какие только мог придумать: они катались весной на льдинах с мальчишками на местной реке, протекающей недалеко от города, в котором он жил. Почти каждую неделю, как только пошел лед, по пятницам, после занятий они бежали к реке. Пару раз он падал в ледяную воду, но это не останавливало его. Родители ругали Игоря, отец частенько брал в руки ремень, но и это не помогало. Казалось, что у Игоря появляется одержимость игрой со Смертью, он будто пытался доказать себе и Ей, а заодно и все остальным, что не боится исчезнуть навсегда, погрузиться в небытие (хотя о том, что будет с ним после смерти он наверно даже и не думал).

И все же, эта «игра» не заставляла его забывать о некоторых важных вещах. Он успешно окончил школу, что получилось с большим трудом, учитывая его поведение.

Легко поступив в техникум, провел там четыре года. За это время Игорь прошел много трудностей. Он вечерами работал на стройке, карманные деньги давались потом.

«Знаешь, Сань... - Игорь отбросил все условности, речь его стала простой и немного сбивчивой, действовала на половину початая бутылка коньяка, удачно прихваченная им. - Я тогда не понимал полностью, отчего пошел в армию. Хотелось чего-то нового, опасностей. А препода твердили – «Иди в институт», я их не послушал, хотя, признаюсь, бывало недовольство своим упрямством. Наверное, я опять лукавил перед собою. Пару раз я почти срывался в военкомат, еще до окончания техникума, просто наваливалось сразу много всякого. Хотелось сбежать, уйти от всего, и самое главное - сбежать от себя».

Я заметил, что Игорь сильно нервничает, его речь стала еще сбивчивей. Он ожесточенно мял свои руки, словно готовясь к драке. Левый глаз начал подергиваться, Игорь тер его иногда, пытаясь прогнать охватившее его беспокойство.

«Понимаешь, мне хотелось сбежать отсюда, сбежать как можно дальше, - Игорь продолжил свой рассказ, - я долго думал, как это сделать, но ни к чему так и не мог придти. Какие только бредовые мысли не посещали мою голову. Я даже планировал засунуть голову в петлю, но не в буквальном смысле этой фразы. Хотя, так и получилось. Военком предложил пойти на контракт, срок был в два раза больше, но мне это и нужно было. Несколько вариантов было на мой выбор, я принял самый опасный. В то время только началась вторая чеченская компания. По новостям только и твердили, что об успешных или провальных операциях наших войск. Число жертв не озвучивали, данные сводок, это только надводная часть айсберга Смерти, реальное число жертв и пропавших без вести было утаено».

Я посмотрел на Игоря, ему сложно было говорить. На пару минут он замолчал, после извинился и вышел в тамбур покурить. Я остался один, пищи для размышлений было достаточно. Как много сложных судеб окружают нас, проходят мимо, и мы не знаем, что там внутри под суровыми и не очень, под улыбающимися и печальными лицами. Если бы не этот разговор, я и не понял бы, насколько тяжело ему пришлось. Игорь стоял и курил, курил он много. Его взгляд не отрывался от ночной темноты, давно нависшей над нами. Возможно там, были те, кто ушел тогда вместе с ним, были те, кто пытался выжить сам и помогал другим. Они видели Смерть, каждый день и каждую ночь. Она висела над ними и сдавливала грудь, мешая дышать. Они жили с нею, но ни как не могли привыкнуть к Ее взгляду.

Игорь, скупив полпачки точно, вернулся в вагон. Он налил коньяка и молча протянул мне стакан. «За тех, кто остался там...» - и я понял по его глазам, как много молодых парней потеряло в горах свое будущее, свою жизнь. Потом долго сидели, не произнося не звука, народ вокруг галдел, не переставая, но мы не обращали на это внимание. «Я бросался под пули, мне все было по колено, - начал он вновь, - вокруг падали под свинцовыми ударами те, с кем еще вчера я курил вечером и размышлял о том, как сложится наша жизнь, когда мы вернемся. И вот, на моих глазах, они уходили в иной мир, а я бежал дальше, не боясь растратить последний рожок. Начали ходить слухи, что я заговоренный. Хотя, наверное, все потому, что я не боялся Смерти, я сознательно упирался в Нее лбом, стараясь поймать Ее взгляд. Два раза я был ранен: первый в руку, даже не пришлось лежать в госпитале; второй был гораздо серьезнее, меня подстрелили прямо в живот, я даже и не думал, что боль может быть такой сильной. Хотелось порвать все сразу, минут двадцать я корчился в муках, пока меня не забрали и не оказали помощь. Никогда прежде так не мечтал умереть, как в тот раз, боль была невыносимой, она сводила с ума (Игорь инстинктивно провел рукой по животу, немного задержав ее на правом боку)».

«Интересно, - подумал я, - почему так получается, что те, кто не ценит жизнь, становятся ее фаворитами. Все начинает вертеться вокруг них в бешеном темпе. А они дальше продолжают играть с ней». Взглянув на Игоря, еще раз убеждаешься в этом.

Возможно, здесь есть какой-то смысл, но пока что мне далеко до его осознания. Может, все эти испытания и спасения происходили в его жизни только для одной только цели – объяснить Игорю, что нельзя презирать свою жизнь, данную нам единожды, помочь понять весь ее вес, а так же ощутить груз ответственности возлагаемой вместе с этим даром. Дальнейший рассказ его, только подтверждал мое предположение.

«Я не задумывался о том, что будет дальше. Не то, чтобы я сбегал от этих размышлений, просто моя жизнь и не подразумевала их возможность. Все шло само собой, особо не спрашивая у меня направления. – Словно читая мои мысли, Игорь продолжил. – Но моя жизнь и, соответственно, отношение к ней изменилось однажды. Это случилось под Гудермесом, наш небольшой отряд по дороге в соседнюю часть попал в засаду, завязалась перестрелка. Я не помню, что там происходило. Еще в самом начале боя кто-то сильно ударил меня сзади, по голове, я потерял сознание. Когда пришел в себя, голова жутко раскалывалась на множество частей. Оглядев место, в которое меня бросили, я пришел к выводу, что это обычная яма, в которой местные прячут пленных. В ней был еще лейтенант, который постоянно стонал, не давая покоя ни себе, ни мне. Похоже, у него был сломан позвоночник, он не мог пошевелиться, ибо любое движение заставляло его взывать от боли. Он сидел здесь уже несколько дней. Так как он не мог пошевелиться, ему приходилось ходить под себя, от этого в яме стоял крепкий, терпкий запах. Свет не проникал к нам, и сложно было судить о том, день или ночь снаружи. Около суток, так мне, по крайней мере, показалось, к нам никто не подходил, были слышны только шаги где-то рядом и приглушенная речь. Лейтенанту становилось все хуже, он постоянно кричал, не в силах сдержаться. Этим он привлек внимание к нам, яму открыли, и я, ослепнув от яркого света, не мог разглядеть, что собственно произошло. По звукам я понял, что лейтенанта вытащили и куда-то поволокли, он выл, орал. Напоследок, он сказал мне фразу, которую я никогда не забываю: «Живи, пацан! Живи! За нас за всех проживи! Чтоб не обидно было!». Его увели, и, вскоре, я услышал одиночный выстрел».

Его глаза заблестели, от скопившихся в них слез. Он закурил, не поднимая глаз, не отводя их от окна. Игорь успел выкурить полсигареты, пока ему не сделала замечание женщина, сидевшая не далеко от нас. Он тут же сжал окурки в руке и продолжил: «Мне тогда повезло. Была зачистка, и меня освободили на следующее утро. После этого случая меня отправили домой на реабилитацию. Когда отдавали документы, майор из штаба сказал, что я счастливчик - из сорока человек, которые пришли со мною, никого не осталось в живых. Я долго ехал домой и все думал, почему я, отчего ни они. Помню, когда несколько месяцев назад кто-то из них рассказывал, как его будут встречать всей деревней, какая у него замечательная невеста, и что пред ее пирогами никто устоять не может. Он действительно вернулся, но вместо улыбок и счастья на лицах принес большое горе всем, кого он знал, тем, кто его любил. Но это - война, и ничего не поделаешь с этим. А в новостях все твердили, что на Чечню опускается мир, что все бандформирования уничтожены, остались только небольшие группы, которые не оказывают особого сопротивления и будут захвачены в ближайшее время. Беда остается безмолвной, и это будет всегда».

Больше мы не заводили разговор на эту тему. Игорь сам начал уводить его, и я помог ему в этом. Наше совместное путешествие продолжалось еще пару часов, после чего он оставил меня, сойдя на нужной ему станции. Мы крепко обнялись на прощание.

Игорь ушел, но все сказанное тогда прочно засело в моей памяти. Жизнь или судьба, кому как больше нравится, постоянно ставит нас в сложные ситуации, практически забирая все шансы. Игорь прошел через это и понял многое, что прежде прятал от себя. И не знаю, выиграл он или нет свою игру с судьбой (про это Игорь не успел мне рассказать), но знаю точно лишь одно – на той, никому не нужной, войне он понял себя и стал жить, жить за всех тех, кто остался там навсегда...